

© 2016 г.

**А.А. ЩЕЛЧКОВ**

## **РЕВОЛЮЦИЯ ПОД ЗНАМЕНЕМ ПАЧАМАМЫ. БОЛИВИЯ В НАЧАЛЕ XXI века**

Боливия в начале XXI в. явила миру пример страны, в течение двух десятилетий прошедшей путь от “несостоявшегося государства” до одной из самых динамично развивающихся стран Латинской Америки, к тому же дававшей редчайший пример экономически и социально успешной модели общества, предложенного леворадикальными политическими силами. Современная история страны берет начало с падения военного режима в 1982 г. и прихода к власти левой коалиций Народно-демократического единства (УДП) с участием компартии. УДП не справилось с глубоким кризисом в стране. Экономика катилась под откос. Профсоюзы во главе с Боливийским рабочим центром (КОБ) на меры стабилизации отвечали забастовками, блокадами дорог, голодовками и маршами. Страна свалилась в гиперинфляцию (к началу 1985 г. достигла 14 000% в год) и политическую неуправляемость. Товары исчезли из магазинов. Уже в конце 1983 г. было ясно, что Боливия на краю пропасти. Крах левого правительства был полным, президент Э. Силес Суасо объявил о досрочных выборах в 1985 г. Крах УДП был концом практически всех традиционных левых партий Боливии<sup>1</sup>.

1985 год – это пик кризиса установленной после революции 1952 г. национал-реформистской модели, предполагавшей развитие национального капитализма при ведущей роли государства, которое наращивало инвестиции в экономику: в 70–80-е годы они составляли 15–16% от ВВП, а в 80-е – уже 20,5%. Боливия занимала первое место в Латинской Америке по количеству занятых в государственном секторе<sup>2</sup>.

Вместе с тем рос дефицит бюджета: в 1979 г. он составил 4,9% от ВВП, в 1982 г. – 22,3%, а в 1984 г. – 30,6%. Становилось очевидным неэффективное управление обществом через такие инструменты, как вмешивающиеся в решение экономических проблем сильные профсоюзы и мощный государственный сектор. Необходимость радикальной смены парадигмы развития почувствовали все ведущие политические силы страны, прежде всего партия Националистическое революционное движение (МНР), главное действующее лицо боливийской политики после революции 1952 г.

### **ПОБЕДА НЕОЛИБЕРАЛИЗМА В 90-е годы**

14 июля 1985 г. состоялись досрочные всеобщие выборы. Относительное большинство 28,56% получил бывший военный диктатор Уго Бансер от правой АДН (Националистическое демократическое действие), за ним шел Виктор Пас Эстенсоро (МНР) – 26,47%, и ставший умеренным социал-демократом прежний радикал Хайме Пас Самора (Левое революционное движение – МИР) – 8,84%. Левым досталось не более 2,2%. Так как никто не получил более 50%, президента должен был избрать

---

*Щелчков Андрей Аркадьевич* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

<sup>1</sup> *Ibáñez Rojo E.* The UDP Government and the Crisis of the Bolivian Left (1982–1985). – *Journal of Latin American Studies*, № 32, 2000, p. 192–193.

<sup>2</sup> *Bolivia en el siglo XX. La formación de la Bolivia contemporánea.* La Paz, 1999, p. 176–188.

Конгресс, у МНР было больше мест, чем у АДН. В. Пас склонил МИР к поддержке МНР<sup>3</sup>. Впервые за всю историю Боливии Конгресс избрал президентом вышедшего на второе место по числу голосов кандидата. 6 августа 1985 г. В. Пас в четвертый раз вступил в должность президента республики.

29 августа 1985 г. был опубликован исторический декрет № 21 060, объявивший о “новой экономической политике” (нэп). Речь шла о кардинальном реформировании боливийского общества на принципах неоллиберализма. В своем послании к нации Пас указал: “Падение ВВП в предыдущие годы является беспрецедентным в нашей истории: в 1981 г. он упал на 4,1%, в 1982 г. – на 11,1%, в 1983 г. – на 10,1%, в 1985 г. оценивается в 7,3%”. Гиперинфляция достигла рекордных цифр. В качестве анекдота президент сообщил, что цена печатания новых банкнот превышала их номинальную стоимость<sup>4</sup>. Декрет вводил свободный режим внешней торговли, снижал пошлины и сборы, снимал все ограничения трудового законодательства, замораживал государственные расходы, ограничивал дефицит бюджета.

Социальные издержки декрета были огромны. Только за первый год зарплата сократилась вдвое, около 10% занятых в госсекторе потеряли работу. После опубликования декрета КОБ объявил всеобщую забастовку. Правительство просило перемирия на год, а забастовка была объявлена незаконной. Военные решительно поддержали В. Паса, а крестьянские организации остались нейтральными. 19 сентября 1985 г. было объявлено осадное положение, профлидеры были арестованы и депортированы в удаленные районы страны. Марш 10 тыс. шахтеров на Ла-Пас был остановлен армией.

В октябре 1985 г. катастрофически упали цены на олово. Правительство объявило о массовых увольнениях в государственной компании КОМИБОЛ. Фактически речь шла о ликвидации оловодобывающих рудников. В течение года после октября 1985 г. было уволено 21 000 из 27 000 рабочих. Это был конец КОМИБОЛ, но и конец организованного рабочего движения, ударным отрядом которого всегда были горняки. В ноябре профсоюзы уже соглашались на все уступки, в том числе на отмену всех льгот, воскресных дней лишь бы остановить закрытие шахт<sup>5</sup>. С ноября 1985 г. правительство могло игнорировать как КОБ, так и все рабочие профсоюзы.

В первые годы нэпа была достигнута финансовая стабилизация, обуздана инфляция. Боливия добила часть списания внешнего долга, а часть скупала по дешевке, так как боливийские бумаги стоили на рынке 8–10% номинала<sup>6</sup>. Под именем “капитализации” была проведена приватизация госпредприятий: осуществилось их акционирование, причем вырученный от продажи акций капитал, а также государственная их доля передавалась в Пенсионный фонд. К 1997 г. в частных руках практически находилась вся экономика: крупнейшие предприятия, инфраструктура, связь, транспорт, водоснабжение, газ, нефть, горнорудная промышленность. В первые годы нэпа продолжался спад – около 3%, затем начался рост. В период с 1987 по 1998 г. экономический рост составил в среднем 4,1% в год<sup>7</sup>.

Неолиберальная политика сплотила правящие элиты, консолидировала ведущие политические силы, их представляющие. Впервые за многие годы между различными партиями был достигнут консенсус по большинству социально-экономических вопросов. В политической сфере также произошли кардинальные изменения: было положено начало так называемой “демократии пактов”, когда основные партии (МНР, АДН,

<sup>3</sup> Trigo O'Connor E. Conversaciones con Víctor Paz Estenssoro. La Paz, 1999, p. 153.

<sup>4</sup> Цит по: Mayorga Ugarte J.A. Gonismo. Discurso y poder. La Paz, 2007, p. 112.

<sup>5</sup> Lazarte R.J. Movimiento obrero y procesos políticos en Bolivia. (Historia de la C.O.B. 1952–1987). La Paz, 1989, p. 171.

<sup>6</sup> Trigo O'Connor E. Op.cit., p. 157.

<sup>7</sup> Bareda M. De la democracia pactada al proceso constituyente: ¿Hacia un nuevo modelo de gobernabilidad en Bolivia? – Bolivia. Fin de un ciclo y nuevas perspectivas políticas (1993–2003). Barcelona, 2006, p. 71.

МИР), не имея большинства в Конгрессе, заключали союзы между собой, исключив из системы принятия решений армию и профсоюзы. Причем часто пакты заключались между бывшими антагонистами, как, например, в 1989 г. между правой АДН и левоцентристской МИР, когда президентом стал кандидат, получивший лишь третий результат на выборах. Эта система выглядела как абсолютно беспринципная и элитистская. Вместе с тем происходило усиление роли парламента в рамках президентской республики, что делало систему более гибкой. Такая ситуация позволила некоторым исследователям определить боливийскую систему как “парламентско-президентскую”<sup>8</sup>.

“Демократия пактов”, с одной стороны, укрепляла демократическую процедуру как таковую, а с другой — вела к дискредитации партий. Логичной реакцией на размывание отличий политических партий и их программ был рост внесистемных движений, отвечавших на чувства недовольства широких масс народа профанацией политической борьбы партиями. Оппозиционные настроения выразились в успехе новых популистских партий КОНДЕПА (Совесть родины) и УСС (Гражданский союз солидарности). На муниципальных выборах в 1987 г. в Ла-Пасе победил лидер КОНДЕПА Карлос Паленке. Он был тележурналистом, эпатировавшим публику своим псевдонородным стилем. Паленке создал образ представителя новых городских аймара, маргинализированных и бесправных жителей пригородов. Пустая и демагогическая, но расово сориентированная программа в совокупности с удачным образом индейца-чоло обеспечили Паленке и КОНДЕПА уверенную победу в Ла-Пасе на всеобщих выборах 1989 г. Однако провинция и деревня голосовала традиционно, суммарно снизив впечатляющий результат КОНДЕПА<sup>9</sup>. Отсутствие какой-либо программы превратили эту партию в персонаж многочисленных фарсов: ее депутаты откровенно торговали своими голосами, примыкая то к одной, то к другой группировке<sup>10</sup>. Надо признать, что демонстративная беспринципность ее лидеров мало влияла на ее популярность, что было признаком общего кризиса партийной и парламентской систем в Боливии. Позднее, в начале 2000-х, представительная демократия вступила в решающую фазу кризиса: по опросу 2004 г. только 3% опрошенных доверяли Конгрессу<sup>11</sup>.

В 1993 г. на выборах вновь победила МНР. Президентом стал один из творцов нэпа Гонсало Санчес де Лосада. Впервые вице-президентом стал индеец Виктор Уго Карденас. МНР вновь стояла во главе широкой левоцентристской коалиции, и благодаря этому ей удалось в 1993–1997 гг. провести, пожалуй, самые радикальные после 1952 г. политические преобразования, разрушив 200-летнюю традицию централистского унитарного государства. В 1994 г. была проведена реформа конституции. Боливия впервые была провозглашена “мультиэтническим и плюракультурным” государством. Была изменена система формирования Конгресса: половина депутатов избиралась по партийным спискам, а половина по одномандатным округам. Было сокращено количество центральных министерств и ведомств: к 1997 г. их осталось всего 10.

Поистине революционным шагом была реформа внутреннего управления. В 1994 г. был принят Закон народного участия, в основе которого лежала децентрализация управления и финансирования. Муниципалитеты стали главными получателями и распределителями финансовых ресурсов. Большая часть расходов теперь распределялись 311 муниципалитетами. Широкую автономию получили все муниципальные образования, но особенно это почувствовали сельские. С 1994 г. сельские

<sup>8</sup> Ibid., p. 65–69.

<sup>9</sup> На очередных выборах 1997 г. КОНДЕПА стала третьей партией, а в пятерку призеров голосования с 16,11% вошел “брат близнец” КОНДЕПЫ популистский УСС. Это было последнее триумфальное выступление нео-популистов на выборах. Дело в том, что лидер УСС М. Фернандес погиб в авиакатастрофе в ноябре 1995 г., а К. Паленке умер в марте 1997 г. На следующих выборах их партии фактически исчезли.

<sup>10</sup> Моралес Айма Э. Моя жизнь. От Ориноки до дворца Кемадо. Тула, 2015, с. 255.

<sup>11</sup> Zuazo M. ¿Cómo nació el MAS? La ruralización de la política en Bolivia. Entrevistas a 85 parlamentarios del partido. La Paz, 2009, p. 25.

муниципалитеты стали получать на 500% больше финансовых ресурсов<sup>12</sup>. 90-е годы привнесли серьезные качественные изменения в политику государства в отношении индейских народов. В октябре 1996 г. был принят закон о Национальном институте по аграрной реформе, который окрестили второй аграрной реформой в Боливии. Конституция 1994 г. признала полное внутреннее самоуправление общины.

Как замечал крупный английский специалист по истории Боливии Дж. Дюнкерлей, Закон о народном участии был столь революционен, что по своим последствиям может быть сравнен с реформами вице-короля Толедо в XVI в., реформами Бурбонов в XVIII в., с завоеванием независимости и Национальной революцией 1952 г.<sup>13</sup> Закон народного участия дал опыт самоуправления и реализации суверенитета ранее исключенных из политической жизни групп, фактически привел к активизации общественной и политической деятельности там, где до сих пор царили традиционные схемы взаимодействия. Этот закон во многом подготовил бурные события первого десятилетия XXI в.

### ИНДЕАНИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА НЕОЛИБЕРАЛИЗМУ

К концу 1970-х в рамках единого крестьянского движения выделились два течения: расово-этническое, сформировавшее Индейское движение Тупак Катари (МИТ-КА), которое возглавили Констинтино Лима и Лусиано Тапия, и революционно-демократическое – катаризм<sup>14</sup>, представленное Революционным движением Тупак Катари (МРТК) во главе с Хенаро Флоресом и Виктором Уго Карденасом.

Крайние индеанисты, такие как Фаусто Рейнага<sup>15</sup> – лидер индейской партии, – считали, что освобождение индейцев должно быть достигнуто движением самих индейцев, отрицали возможность союзов с креолами (так называемыми *q'agas*) как с правыми, так и левыми партиями<sup>16</sup>. Рейнага и его сподвижники, такие как Констинтино Лима, говорили об индейской власти, об инкском социализме с учетом технического прогресса, когда все государство превращалось в одну большую общину-айлью<sup>17</sup>. Их лозунгом было: “ни с *q'aga*, ни с *misti*” (ни с белыми, ни с метисами), что стало причиной расхождения и последующего раскола на этническое и революционное течения. Катаристы рассматривали себя как часть общенационального движения за социальное освобождение, за “включенность” индейского населения в новое мультикультурное общество Боливии.

В 1979 г. катаристам удалось создать Единую конфедерацию крестьян Боливии (КСУТСБ) во главе с Хенаро Флоресом. Большое влияние в катаризме приобрело левое

<sup>12</sup> Bolivia en el siglo XX, p. 87.

<sup>13</sup> Dunkerley J. Pachakuti en Bolivia (2008–2010). Diario personal. – Bolivian Studies Journal, Pittsburgh, v. 15–17, 2008–2010, p. 38.

<sup>14</sup> Катаризм – от имени Тупак Катари, вождя крупнейшего индейского восстания XVIII в. Возникло в 1960-е годы в среде интеллектуалов индеанистов: “Движение 15 ноября”, “Центр крестьянской пропаганды и координации”, а в 1971 г. был образован Крестьянский центр Тупак Катари. В 1973 г. эти организации выпустили “Манифест Тиауанаку”, в нем впервые ставились задачи национально-экономического освобождения индейцев в союзе с рабочим классом и беднейшими средними слоями. В 1977 г. был опубликован второй “Манифест Тиауанаку”, который ясно определил место крестьянской организации – рядом с демократическими левыми силами. – Щелчков А.А. Идейная борьба в современном крестьянском движении Боливии. – Латинская Америка: вопросы идеологии и политической мысли. М., 1991, с. 49–58.

<sup>15</sup> За Рейнагой закрепилась противоречивая репутация: он побывал в различных политических лагерях, от троцкистов до крайне правых при военных диктатурах. Однако, признавая за Рейнагой заслуги в идеологическом формировании индеанизма, катаристы отмежевались от него прежде всего из-за его сотрудничества с военными диктатурами. – Tapia L. Ukhamawa Jakawisaxa (Así es nuestra vida). Autobiografía de un aymara. La Paz, 1994, p. 350–351.

<sup>16</sup> Pacheco D. El indianismo y los indios contemporáneos en Bolivia. La Paz, 1992, p. 37.

<sup>17</sup> Katarismo-Indeanismo ante la izquierda y la derecha. – Willka. Revista anual, El Alto, 2011, № 5, p. 153–154.

крыло, тесно связанное с профсоюзами и левыми партиями. Второй съезд КСУТСБ в 1983 г. определил крестьянский синдикализм как “революционный, ибо мы боремся за власть трудящихся, крестьян, шахтеров, рабочих и других угнетенных, за наше освобождение от всех форм капиталистической эксплуатации и колониального угнетения, за справедливое общество без эксплуататоров и эксплуатируемых”<sup>18</sup>. Катаристы заявляли о неприятии конфронтации с метисами и белыми.

Политическая смерть традиционных левых в 1990-е годы вызвала к жизни новые антисистемные течения, опиравшиеся на индейское движение, катаристов и группы городских интеллектуалов. Часть катаристов во главе с Карденасом пошли на сотрудничество с неолиберальными партиями, приняв их версию мультикультурализма.

Радикальные индеанисты во главе с Фелипе Киспе с 1984 г. сделали ставку на вооруженную борьбу. Было создано подпольное движение “Красных айлью”, затем преобразованное в 1989 г. в “Партизанскую армию Тупак Катари” (ЕХТК)<sup>19</sup>. В 1986 г. индеанисты получают нового союзника среди левой городской интеллигенции, марксистскую группу Альваро Гарсии Линеры, которая после поражений рабочего движения обратила свои взоры на индейское крестьянство<sup>20</sup>.

14 ноября 1990 г. ЕХТК провела съезд в Чакалтайя, на котором присутствовало почти 200 человек. Было принято решение начать вооруженную борьбу 21 июня, в день начала андского нового года. В июне – июле 1991 г. были проведены подрывы линий электропередач и другие акции. Полиции удалось быстро арестовать Киспе и Гарсию Линеру. После ареста Киспе на вопрос журналистов о целях восстания заявил: “Я не хочу, чтобы моя дочь была вашей прислугой”<sup>21</sup>. После выхода из тюрьмы в 1997 г. Киспе при поддержке молодого лидера кокалерос (крестьян, выращивавших коку) Эво Моралеса Айма возглавил КСУТСБ.

Тогда же индеанисты и кокалерос во главе с Моралесом создали Ассамблею суверенитета народов (АСП), которая вошла в блок с компартией, так как избирательная комиссия отказалась зарегистрировать ее как самостоятельную партию для участия в выборах. Сначала им удалось провести успешные местные избирательные компании в Кочабамбе, а в 1997 г. они завоевали четыре мандата в Конгрессе от союза “Единые левые – АСП”. Все депутаты были крестьянами. Одним из этих депутатов был Эво Моралес, вскоре ставший ведущим политиком страны. Он был избран по мажоритарному округу, получив самый большой процент в стране – 61,8%<sup>22</sup>. Однако крестьяне и Эво Моралес тяготились зависимостью от политических партий и ставили своей задачей создание собственной<sup>23</sup>. АСП на президентских выборах 1997 г. выступала в союзе с коммунистами, а единым кандидатом в президенты стал Алехо Велис, а в вице-президенты лидер компартии Маркос Домич. Однако в ходе компании Моралес и Велис разошлись в оценке вклада различных сил коалиции в достижение результата на выборах, что предопределило разрыв с коммунистами.

Важной чертой этого периода был рост различных Неправительственных организаций (НПО), которые полностью заменили собой левые партии, прежде влиятельные в профсоюзах и народных движениях. Из НПО выделялся своим влиянием проект “Огонь” Давида Чокеуанки. Через НПО союзы кокалерос установили прочные связи с индейскими крестьянскими организациями и профсоюзами, сделав Эво Моралеса единым лидером оппозиции режиму неолиберализма.

<sup>18</sup> *Rivera Cusicanqui S.* Oprimidos pero no vencidos. Luchas del campesinado aymara y quechua. La Paz, 1986, p. 200.

<sup>19</sup> *García Linera A.* Biografía política e intelectual. La Paz, 2009, p. 7.

<sup>20</sup> *Stefanoni P.* “Qué hacer con los indios...” Y otros traumas irresueltos de la colonialidad. La Paz, 2010, p. 112.

<sup>21</sup> Katarismo-Indeanismo..., p. 65.

<sup>22</sup> *Do Alto H.* Un partido campesino en el poder. Una mirada sociológica del MAS boliviano. – Nueva sociedad, № 234, julio-agosto de 2011, p. 99.

<sup>23</sup> *Моралес Айма Э.* Указ. соч., с. 233–236.

В условиях дискредитации партийной системы индейские организации искали форму, которая могла бы объединить различные народные движения, при этом не желали использовать термин “партия”. Профсоюзы кокалерос во главе с Эво Моралесом поставили задачу создания “политического инструмента” движения. После неудачи на президентских выборах 1997 г. и разрыва с Велисом АСП осталась за Велисом, а Моралес в 1998 г. создал “Политический инструмент народного суверенитета” (ИПСП) как самостоятельное политическое представительство крестьянского профсоюза КСУТСБ. А Киспе в ноябре 2000 г. создал свою политическую партию Индейское движение Пачакути<sup>24</sup> (МИП), которая провозгласила своей целью разрушение креольского государства и строительство нового на основе индейской общинности.

Высшая избирательная комиссия вновь отказалась зарегистрировать крестьянские партии, и тогда Моралес “взял взаймы” имя формально признанной партии Движение к социализму (МАС), которую возглавлял левый политик Давид Аньес<sup>25</sup>. Это была левосоциалистическая фракция, отколовшаяся от старой фашистской Фаланги. В январе 1999 г. состоялся первый учредительный съезд новой МАС. В будущем партия Моралеса стала именоваться МАС – ИПСП, хотя по сути никогда партией она так и стала, объединяя в своих рядах самые разнообразные антикапиталистические и индеанистские организации и движения.

Большинство боливийцев уже не устраивали механизмы партийного представительства, стало преобладать желание создать иную систему, более коллективистскую, связанную с различными профессиональными, культурными и социальными корпорациями, вырабатывающими общую политику через механизмы прямого народовластия и диалога. Такой площадкой общественного диалога стала партия МАС именно потому, что реально партией не являлась, а представляла собой гибкую, горизонтальную, сетевого типа организацию<sup>26</sup>.

МАС воспользовалась реформами децентрализации власти, проведенными в 90-е годы, которые создали множество новых избираемых местных властей именно в сельской местности<sup>27</sup>. Закон народного участия привел к муниципализации страны, что в условиях Боливии вызвало так называемую “рурализацию” (окрестьянивание) политики. В короткие сроки МАС как союз индейских профсоюзов и кокалерос, завоевала большинство сельских муниципалитетов. Впервые в истории страны крестьянская партия, опирающаяся почти исключительно на индейское население, стала ведущей силой Боливии<sup>28</sup>. Однако для завоевания власти было необходимо убедить в своей правоте города, где проживало больше половины населения страны. Для этого на выборах МАС выдвинула видных левых политиков, таких как П. Рамос Санчес, претендовавшего на пост мэра Ла-Паса.

Важнейшим событием в движении МАС к власти стало соединение, начиная с 2002 г., народной силы протеста, возглавляемого и олицетворяемого Моралесом, и новых городских левых во главе с Альваро Гарсией Линерой, который стал неформальным лидером кружка интеллектуалов “Коммуна”, провозгласившего создание новой модели народовластия и общинности. Они говорили об объединении индейцев с “плебейской” Боливией, с городскими низами, средними слоями в борьбе с неолиберализмом при индеанизации идентичности и осуществлении левых лозунгов.

Линера, успевший к этому времени провести несколько лет в тюрьме за создание “Партизанской армии Тупак Катари”, стал идеологом нового движения, делавшего ставку не на традиционных левых, а на новое прочтение марксизма, ленинизма,

<sup>24</sup> На индейских языках кечуа и аймара это означает “новая эра”.

<sup>25</sup> МАС до этого выступала в Союзе левых, от которого Моралес избирался в 1997 г.

<sup>26</sup> *Tapia L.* La dinámica de la ciudadanía en la reforma del Estado y la sociedad civil. – Bolivia. Fin de un ciclo y nuevas perspectivas políticas, p. 182.

<sup>27</sup> *Zuazo M.* Op. cit., p. 42.

<sup>28</sup> *Do Alto H.* Op. cit., p. 95–96.

европейской критической социальной философии<sup>29</sup>. Его идеалом в те годы была полу-анархическая модель самоуправления, общинности, прямой демократии.

МАС противопоставляла себя всей системе партий. Во-первых, являясь союзом крестьянских профсоюзов и общественных организаций, МАС опиралась на горизонтальные связи. Во-вторых, жестко проводился принцип: мы не торгуем нашими голосами. Отказ от беспринципных альянсов, которыми грешили партии в период “демократии пактов”, создавал из МАС моральную и идеологическую крепость. И главное, партия претендовала на инклюзивное представительство составлявших большинство населения страны социальных групп, которые были маргинализированы как в политике, так и в социальной сфере<sup>30</sup>.

Обострение внутренней ситуации пришлось на начало века. Президент У. Бансер (1997–2001 гг.) под давлением США принял план “За достоинство”, предполагавший уничтожение 38 000 га коки. К середине декабря 1997 г. правительство уничтожило 7 000 га<sup>31</sup>. Сопrotивление производителей коки в Чапаре привело там к фактической гражданской войне. В марте – апреле 1999 г. кокалерос, крестьянские профсоюзы провели мощные акции протеста: блокады дорог в Ла-Пасе и Кочабамбе. Во главе этой борьбы встал Эво Моралес, сделавший коку символом борьбы за национальное достоинство и социальную справедливость.

Если борьба сборщиков коки создавала общий фон насилия и нестабильности, то общенациональный кризис спровоцировала так называемая “война за воду” в Кочабамбе. Приватизация водяного снабжения в 1999 г. вывела на улицы не только страдавших от этого крестьян, но и массы горожан. В противостоянии с властями была создана внепартийная “Координация”, которая в январе 2000 г. начала блокаду Кочабамбы, а в феврале, несмотря на сопротивление армии и полиции, произвела “мирное взятие” города. Так как власти упорствовали и не шли на уступки, насилие вылилось на улицы города, произошла мобилизация большинства населения, и правительство было вынуждено отменить принятые ранее решения. В рамках этой борьбы сформировался союз кокалерос во главе с Моралесом, крестьянства Кочабамбы и большинства горожан<sup>32</sup>.

К протесту в Кочабамбе присоединились различные группы населения по всей стране: полицейские в Ла-Пасе, индейцы Альтиплано и другие. Индейцы и кокалерос успешно прибегали к тактике блокады дорог: особенно страдал город Ла-Пас, зависящий от единственного входа в долину для обеспечения продовольствием и топливом. Народные волнения были поддержаны левыми из группы Гарсии Линеры. Главным лозунгом нового политического союза кокалерос, крестьян-индейцев и радикальных левых стал созыв Учредительного собрания.

В обстановке политического кризиса президент Бансер в связи с тяжелой болезнью ушел в отставку, передав власть вице-президенту Хорхе “Тутто” Кироге, а он не смог умиротворить страсти. Более того, Кирога подписал соглашение с США, по которому усилилось военное давление на кокалерос, что вызвало новый виток насилия в районах выращивания коки. В этих условиях популярность МАС резко возросла, что показали президентские выборы 2002 г., в них, хотя и победил лидер МНР Гонсало Санчес де Лосада с 22,5% голосов, Эво Моралес от МАС занял второе место, набрав 20,9%. МАС, став второй силой в Конгрессе, разрушила устоявшуюся систему пактов. Кроме того, появление в парламенте фракции, состоявшей из индейцев и чоло

<sup>29</sup> Его любимыми авторами были П. Бурдьё, А. Грамши, А. Негри, боливийский социолог Р. Савалета Меркадо, впоследствии он говорил, что является последователем Ленина и Робеспьера, называя себя “последним якобинцем”. – *Stefanoni P. La potencia plebeya... seis años después.* – *La Migraña*, 2014, № 11, p. 62.

<sup>30</sup> *Zuazo M. Op. cit.*, p. 12.

<sup>31</sup> *United States and Latin America: the new agenda.* London, 1999, p. 198–200.

<sup>32</sup> *Tórrez Y. Cochabamba: ¿Del mestizaje idílico al mestizaje conflictivo?* – *Tinkazos*, v. 15, № 31, 2012, p. 25–36.

(городские индейцы), означало культурно-этнический переворот в политике, до сего времени остававшейся монополией креольско-метисного меньшинства.

Хотя Моралес был избран в Конгресс, его лишили полномочий, обвинив в участии в вооруженной борьбе и в подстрекательстве к беспорядкам, в результате которых в Сакабеко кокалерос захватили и убили двух военных. Доказательств прямого участия Моралеса в этом деле не было, и его изгнание из парламента было воспринято как несправедливость, а сам лидер движения превратился в символ борьбы с неолиберализмом и продажной политической системой “пактов”. США же называли Моралеса не иначе как “наркодилером”.

Санчес де Лосада пытался повторить успех своего первого президентства с опорой на левых интеллектуалов и мега-коалицию партий как справа, так и слева от него. Он вернул пенсии, отмененные Бансером, ввел медицинскую страховку материнства и детства, что имело большое значение для Боливии. Однако государство именно благодаря его политике утратило доходы от экспорта природных богатств и теперь переживало большие бюджетные трудности, что заставило Санчеса де Лосада пойти на непопулярные меры повышения налогов на население. В поиске дополнительных доходов Санчес де Лосада вернулся к своему старому проекту экспорта боливийского газа через чилийские порты, что вызвало взрыв возмущения в стране, никогда не забывавшей исторической катастрофы Тихоокеанской войны (1879–1883 гг.), в результате которой Чили захватила боливийское побережье. В сентябре 2003 г. начались народные волнения, блокады дорог, завершившиеся кровавыми столкновениями с полицией, попытавшейся силой прорвать блокаду Ла-Паса. МАС сделала ставку на политику дестабилизации, став главным действующим лицом протеста<sup>33</sup>. В пригороде Ла-Паса Эль-Альто, замыкавшем этот город в глубокой котловине, развернулись настоящие военные действия, вошедшие в историю как “война за газ”.

В октябре 2003 г. число жертв достигло 67 человек. Кровавый баланс действий властей повернул всеобщие симпатии, в том числе и средних городских слоев, против президента. Вице-президент, известный журналист Карлос Меса Хисберт, порвал с Санчесом де Лосада, присоединившись к требованиям его отставки. В обстановке неуправляемости 17 октября Санчес де Лосада бежал из страны. “Война за газ” продемонстрировала силу и значение пригорода Эль-Альто, населенного мигрантами-индейцами, в основном кечуа и аймара. Этот город превратился в важнейший экономический центр с фабриками, торговлей, банками, часто неформальной экономикой, с населением в миллион человек. МАС превратила Эль-Альто в свою электоральную базу, в “политическую дубину”, занесенную над головой креольского и метисного Ла-Паса.

После бегства Санчеса де Лосада, хотя внешне сохранилась преемственность с переходом власти к вице-президенту Карлосу Месе, рухнула вся система “партийных пактов”, власть перешла к улице. Новый президент понимал, что сохранит власть пока будет придерживаться “повестки дня октября”, т.е. требований народных масс Эль-Альто. При правительстве Месы возникла “новая политическая система без партий”<sup>34</sup>.

Меса ввел прямые выборы губернаторов, которые до этого назначались президентом. При этом не была изменена унитарная система, и отныне избираемые губернаторы становились представителями центральной власти, находясь к ней порой в непримиримой оппозиции, что ставило под вопрос управляемость страной. Затем была проведена реформа конституции, регламентирующая созыв Учредительного собрания<sup>35</sup>. Одновременно усугубились противоречия между Ла-Пасом и автономистскими

<sup>33</sup> *Machado F.* Descripción y análisis del Movimiento al Socialismo (MAS) como fenómeno político en Bolivia. – *Decursos. Revista de Ciencias Sociales*, № 23, Junio de 2011, Cochabamba, p. 190–191.

<sup>34</sup> *Ibid.*, p. 180.

<sup>35</sup> *Rojas Tudela F.* Los orígenes de la Constitución boliviana de 2009. – *Bolivian Research Review*, v. 11, Agosto, 2014, p. 79.

настроениями Санта-Круса, дававшим тогда около 30% всех экспортных доходов страны. Главная же оппозиционная сила правительству Месы, партия МАС, требовала немедленной национализации нефти и газа. С этим требованием вновь были заблокированы дороги.

По позициям президента был нанесен удар самим Месой, когда в мае 2005 г. он отказался подписать закон о национализации, принятый Конгрессом, и при этом не воспользовался правом вето. Президент созвал Учредительное собрание и референдум об автономии департаментов, но эта мера не привела к решению кризиса, и 6 мая Меса ушел в отставку, а временным президентом стал председатель Верховного суда. Сразу же прекратились все блокады дорог и выступления, были объявлены всеобщие выборы.

В избирательной компании 2005 г. главными противниками были Эво Моралес (МАС) и бывший президент Хорхе Кирога, создавший на месте старой АДН новую партию ПОДЕМОС (Социальная и демократическая власть). МАС выдвинула программу, названную “Десять заповедей МАС”. Ее важными пунктами были: земля и территория, т.е. закрепление права на землю за индейскими народами; национализация природных ресурсов; защита коки как традиционного продукта; реформа государства и вооруженных сил; доступность образования и здравоохранения; антиглобализация и латиноамериканская солидарность; созыв Учредительного собрания. Съезд партии в Оруро в 2003 г. сформулировал цель – общинный социализм, экономический суверенитет, партисипативная демократия и многонациональное государство<sup>36</sup>. Моралес выступал на выборах с кандидатом в вице-президенты Альваро Гарсией Линерой. Кирога строил свою компанию на запугивании городских слоев радикализмом Моралеса, который якобы мог повторить левые катастрофические эксперименты УДП 1980-х годов.

Выборы 18 декабря 2005 г. ожидаемо принесли победу МАС, неожиданными были 53,7% голосов за Моралеса, т.е. впервые за 40 лет президент получил более половины голосов и не нуждался во втором туре выборов в Конгрессе, партийный состав которого уже не имел значения. МАС победила в основном благодаря центру страны и сельскому населению, индейцам кечуа и аймара, в то время как правые получили поддержку в тропических Санта-Кресе, Бени, Пандо и Тарихе, их стали называть “полумесяцем” оппозиции, по конфигурации своих границ вокруг горной части страны.

## ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Вступлению в должность президента Моралеса предшествовала неформальная, но очень символическая церемония, проведенная им 21 января 2006 г. на руинах Тиуанаку, которые всегда были символом индейского сопротивления и величия доиспанской андской цивилизации. Первый кабинет министров Моралеса отражал соотношение сил внутри МАС. МИД возглавил важный союзник Моралеса, левый индеанист и идеолог “пачамамизма” Давид Чокеуанка. Портфель МВД получил социолог Х.Р. Кинтана, министром экономики стал бывший сотрудник ЦБ Боливии, придерживающийся консервативных монетаристских взглядов Л. Арсе Катакора. Близкий к левым перонистам (Аргентина), сторонник “национального социализма” Андрес Солис Рада стал министром нефти и газа, марксист Феликс Патци возглавил министерство просвещения. Лидер кооператоров В. Вильярроэль занял пост министра горнорудной промышленности. Бывшая прислуга Касимира Родригес возглавила министерство юстиции<sup>37</sup>. К этому следует добавить видного интеллектуала А. Гарсию Линера как вице-президента. В целом это был демонстративно революционный и бескомпромиссный к предыдущей системе кабинет.

<sup>36</sup> *Моралес Айма Э.* Указ. соч., с. 307–308.

<sup>37</sup> История Боливии с древнейших времен до начала XXI века. М., 2015, с. 588–589.

Было объявлено о начале демократической и культурной революции, о деколонизации страны. Гарсия Линера заявлял: “Мы пока не видим возможности построения коммунизма... Дальний горизонт — это коммунизм. И этот коммунизм следует строить на основе самоорганизации общества, процессов создания и распределения общественных благ, общинности и самоуправления. Но сегодня речь идет о завоевании равенства, перераспределении богатств, расширения прав... Мы будем менять соотношение капиталистических и некапиталистических форм в экономике, усиливать некапиталистические формы, что со временем приведет к большей коммунитаризации, общинности, и тогда мы сможем говорить о посткапиталистической стадии развития”<sup>38</sup>.

После вступления в должность Моралес пообещал выполнить так называемую “повестку дня октября”. Речь шла о созыве Учредительного собрания и о национализации нефти и газа. Президент не стал откладывать выполнение своих обещаний, и 1 мая 2006 г. военные заняли все предприятия нефтегазовой отрасли. Правительство объявило все контракты с иностранными инвесторами недействительными, так как их в свое время не утверждал Конгресс. Это была уже третья (после 1937 г. и 1969 г.) национализация нефти и газа, но при этом была самая мягкая по форме, хотя и представлялась как окончательная победа над империализмом. Всем компаниям предлагалось подписать новые договоры с боливийским государством, которые в большей степени, чем ранее, обеспечивали интересы Боливии. Кроме того, отныне все предприятия продавали всю нефть государственной компании ИПФБ, которая затем уже торговала на внутреннем и внешнем рынках. Также резко выросли налоги. Эта радикальная мера в отличие от предыдущих национализаций не нарушала производственный процесс, но давала в руки государства огромные ресурсы. Бюджет впервые стал исполняться с профицитом, а рост экономики составил рекордные для региона от 4 до 7% в год.

Учредительное собрание должно было создать новое боливийское государство на иных принципах формирования власти, отличных от тех, что были заложены во всех конституциях страны с момента провозглашения независимости в 1825 г. Выборы в собрание и референдум об автономии департаментов прошел 2 июля 2006 г. 137 мест из 255 достались представителям МАС и их союзникам, в то время как основной оппозиционной силе правой партии ПОДЕМОС удалось провести только 60 депутатов. На референдуме, на котором МАС агитировала против автономий, горные департаменты страны Ла-Пас, Кочабамба, Оруро, Потоси, Чукисака проголосовали против, а “тропические”, равнинные Санта-Крус, Бени и Пандо — за.

МАС заключила “Пакт единства” с крестьянскими и индейскими организациями, профсоюзами, представленными в собрании, ядро которых составили три крестьянские федерации, прежде всего КСУТСБ. Их концепция новой конституции под названием “За многонациональное государство и самоопределение коренных и крестьянских народов и наций” была принята МАС за основу нового текста Основного закона, что и привело к бесконечным конфликтам с оппозицией.

Собрание заседало в г. Сукре, формальной столице страны. Сразу возник конфликт по порядку принятия решений собранием: по закону следовало получить две трети голосов, но МАС настаивала, что достаточно 50% плюс один голос. Самая острая фаза конфликта наступила, когда один из делегатов от Санта-Круса предложил закрепить в конституции постоянное место пребывания правительства в Сукре, а не в Ла-Пасе. Местные жители окружили собрание и угрожали делегатам насилием, если те не примут это предложение, возвращавшее страну к гражданской войне 1899 г., когда столица была перенесена в Ла-Пас<sup>39</sup>.

<sup>38</sup> *García Linera A.* Op. cit., p. 79–81.

<sup>39</sup> См. *Щелчков А.А.* “Федеральная революция”, 1898–1899 гг.: крестьянская война на фоне противостояния либералов и консерваторов. — *Латиноамериканский исторический альманах*, 2015, № 15, с. 73–101.

В ответ на провокацию в Эль-Альто состоялся многотысячный митинг против переноса столицы, а в Санта-Крус проходили массовые акции за автономию региона. Собрание в Сукре было окружено противниками МАС (многие из них приехали из Санта-Круса), угрожавшими насилием, если конституция будет принята простым большинством, и МАС не пойдет на уступки. В ноябре 2007 г. оппозиция покинула собрание, а правительственное большинство было вынуждено заседать в военных казармах. При бойкоте оппозиции собрание переехало в Оруро, где доминирование МАС было абсолютным. В декабре 2007 г. текст конституции был принят лишь голосами правительственных делегатов.

Чтобы выйти из политического кризиса из-за отказа оппозиции признавать легитимность конституции, уже в Конгрессе, а не в собрании в ходе переговоров были приняты более 100 поправок, которые сильно изменили текст и смысл многих положений. Союзники МАС отказались принимать компромисс, но затем сдались, согласившись, что главные их цели были достигнуты и текст новой конституции включал большинство их требований<sup>40</sup>. Из-за уступок, сделанных оппозиции, новый текст стал содержать непримиримые и глубокие противоречия. На референдуме 25 февраля 2009 г. новая конституция была принята 61% голосов.

Страна сменила название: Республика Боливия теперь стала называться Многонациональным государством Боливией. Конституция провозглашала права 36 индейских народов, проживающих в стране, “на автономию, самоуправление, собственную культуру, на свои институты, на территорию”. За индейскими общинами и территориями признавались права на юридическую автономию, основанную на традиционном праве и обычаях<sup>41</sup>. Эти принципы, казалось, противоречат принципу юридического единства страны. Однако фактически только 5% муниципалитетов стали управляться в соответствии с обычаями и традиционным правом индейских общин, что не представляет угрозу праву и единству страны<sup>42</sup>.

Между тем в оппозиционном “полумесяце”, департаментах Санта-Крус, Бени, Пандо и Тариха, набирало силу движение за автономию от “индейской” Боливии. Там в мае–июне 2008 г. местные власти провели референдумы по уставам регионов, которые утверждали автономию этих департаментов. Центральная власть отказалась признавать их законность, но не стала мешать их проведению. Как и ожидалось, везде победили автономисты. Во главе сепаратистов Санта-Круса стоял местный губернатор Бранко Маринкович, чье хорватское происхождение напоминало о готовящейся для Боливии судьбе Югославии. Неприятный ассоциативный ряд дополнял поддерживавший оппозицию посол США Филипп Голдберг, работавший в Боснии в 1994–1996 гг. и участвовавший в заключении Дейтонских соглашений. Его вмешательство во внутреннюю политику привело к его высылке из Боливии в сентябре 2008 г. С тех пор в Боливии нет американского посла.

2007–2008 гг. были самыми сложными для правительства Моралеса. Помимо конфликта в Учредительном собрании, роста насилия и конфликтов в “полумесяце”, международная экономическая конъюнктура на рынке продовольствия и падение доллара привели к снижению курса боливиано и инфляции в самом уязвимом для населения секторе товаров народного потребления. Рост цен на продовольствие ударил по беднейшим слоям населения<sup>43</sup>. И тогда правительство пошло на неординарные меры.

Моралес в этих обстоятельствах принял предложение правой оппозиции провести референдум о доверии президенту и губернаторам. Голосование 10 августа 2008 г.

---

<sup>40</sup> *Mayorga F.* Movimientos sociales y participación política en Bolivia. – Ciudadanía y legitimidad democrática en América Latina. Buenos Aires, 2011, p. 26–27.

<sup>41</sup> *Сальмон Х.* Индейцы в новой конституции Боливии. – Латиноамериканский исторический альманах, 2015, № 14, с. 212–213.

<sup>42</sup> *Mayorga F.* Op.cit., p. 39.

<sup>43</sup> *Rojas Tudela F.* Op.cit., p. 85.

подтвердило популярность Моралеса, который увеличил свою электоральную базу, завоевав 67% голосов. Губернаторы оппозиционного “полумесяца” также получили поддержку большинства, а вот в Ла-Пасе и Кочабамбе губернаторы были сменены на сторонников МАС. Референдум не снизил напряжения на востоке страны, хотя показал рост популярности МАС в этих регионах. Особенно тяжелая ситуация сложилась в Пандо, где губернатор был замешан в вооруженных нападениях 11 сентября 2008 г. на сторонников МАС. Этим воспользовались центральные власти: было объявлено осадное положение, а губернатор арестован. “Полумесяц” потерял Пандо, а решительные действия правительства, поддержанные общественным мнением, заставили оппозиционных губернаторов сесть за стол переговоров.

Опасной для единства страны деятельностью занялся участник югославской драмы, появившийся в это время в Боливии, Эдуардо Росса (по-венгерски его фамилия читается как Рожа, но по испанской транскрипции в Боливии произносилась как Росса). Он происходил из семьи венгерских евреев из Санта-Круса, был боливийцем по рождению. В 1970-е годы во время военной диктатуры его родители коммунисты уехали из Боливии, а Эдуардо был отправлен учиться в Будапешт, а затем в Москву, по его словам, в школу КГБ. С крахом социализма в Восточной Европе он оказался в Югославии, участвовал в войне на стороне хорватов, где дослужился до чина полковника. В этот турбулентный для Балкан период Росса вступил в католическую фундаменталистскую организацию “Опус Деи”, а затем присоединился к венгерским сепаратистам в Трансильвании. Однако перед приездом в Боливию он уже был связан с исламскими джихадистами и подбирал для себя новое место для авантюры. В 2007 г. при посредничестве венесуэльского посольства и содействии боливийских спецслужб он явился в Санта-Крус под именем Уртадо Флореса и возглавил группу сепаратистов, получавших финансовую поддержку у местных предпринимателей и властей.

Росса стал создавать вооруженные отряды сепаратистов. Однако, будучи двойным агентом, он действовал под контролем правительственной службы безопасности, которая через него получила неопровержимые данные о преступных действиях местных властей. 16 апреля 2009 г. Росса был убит. Власти завели дело, и постоянством гласности стали связи местных властей с вооруженной группой Россы и их планы повторить в Боливии югославский сценарий разделения страны<sup>44</sup>. Губернаторы Санта-Круса и Тарихи бежали из страны. Сепаратисты были обезглавлены и деморализованы, а правительство стало проводить политику умиротворения предпринимательских кругов Санта-Круса, стараясь убедить их, что будущее их бизнеса связано с успехом центральной власти. Надо сказать, что Моралесу и Гарсии Линере это вполне удалось.

Идеи автономии были подхвачены правительством, что нашло отражение в конституции. Но там речь шла не только об автономии департаментов, но и индейских общин. После принятия новой конституции в ней предусматривалось переизбрание президента, 6 декабря 2009 г. состоялись выборы, на которых Эво Моралес получил 64,22% голосов. Одновременно прошел референдум об автономиях, но с меньшими полномочиями, нежели того требовал Санта-Крус.

После принятия конституции лидеры МАС создали “Национальный координационный союз за перемены” (КОНАЛКАМ), куда, помимо профсоюзов, вошли многочисленные общественные организации, кооперативы, “хунты горожан”, своего рода народный фронт, как орудие контроля за местными властями и инструмент выдвижения новых лидеров<sup>45</sup>. Этот союз провозгласил своей целью построение “общинного социалистического многонационального государства”. Однако единство проправительственных сил вскоре было поставлено под вопрос новыми конфликтами с индейскими, городскими и рабочими организациями, недовольными отдельными действиями правительства и отсутствием обратной связи власти и КОНАЛКАМ.

<sup>44</sup> Valverde C. ¡Maten a Rozsa! Santa Cruz, 2012. – <http://www.icees.org.bo/2012/12/maten-a-rozsa>

<sup>45</sup> Mayorga F. Op. cit., p. 28–29.

## ИДЕЙНАЯ БОРЬБА ВНУТРИ ПРАВЯЩЕЙ КОАЛИЦИИ И БИТВЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

После принятия конституции в выступлениях лидеров МАС, как, например, Гарсии Линеры, говорилось о новом социально-экономическом этапе развития, названном им “андским капитализмом”, его суть состояла в сосуществовании общинного, государственного и частного укладов. Это был разворот от прежних позиций общинного социализма и самоуправления, с которыми МАС шел к власти, к более этатистскому, как его называл тот же Гарсия Линера, якобинскому централизму и построению “интегрального государства”<sup>46</sup>.

Гарсия Линера так формулировал свою идею “андского капитализма”: “Развитие индейских предприятий подчиняется очень гибкой логике. Сначала индеец работает сам с опорой на семью, которая является его главным и не подвергаемым риску ресурсом. Если все идет хорошо, нанимаются работники, при этом работает и сам индеец. Если все идет еще лучше, нанимаются еще работники, и хозяин перестает работать сам. Если дела идут плохо, он возвращается в мир семейной экономики, где можно пережить любые невзгоды. Индеец хочет модернизации, но по-своему. Он хочет экспортировать, глобализоваться, но семейное ядро хозяйства остается нетронутым как последний резерв, и индейцы могут пережить тяжелые времена на хлебе и воде. Когда число работников возрастает до 10–15 человек, то индейцы останавливаются и не нанимают еще до 30, 40, 50 работников, а создают еще одно микропредприятие для сына, кума, племянника. У них своя логика не делать ставку на одно предприятие. Эта логика отличается от веберовского рационализма, накопления и расширения через технологическое обновление”<sup>47</sup>. Это в теории, а на практике эти идеи сводились к поддержке государством новой индейской буржуазии, которая постепенно интегрировалась с государственным капитализмом и вытесняла метисную и креольскую в районах, где индейцы составляют большинство. Эта новая элита подталкивала правительство к закреплению своего нового статуса, к индейскому национализму вместо общинного эгалитаризма.

Построение нового типа государства, по мнению Гарсии Линеры, было “робеспьеровским моментом” всего процесса перемен в стране. Этот этап состоял не только в идейно-политической, но и физической борьбе с противостоящими этому процессу силами, а посему требовалась якобинская или ленинская решимость<sup>48</sup>. От прошлого идеологического плюрализма руководство МАС переходило на более жесткие позиции “демократического централизма”. Так, Гарсия Линера в 2013 г. заявил, что критикующие власть политики, избранные от МАС, должны быть удалены из партии, а члены МАС не свободные мыслители, а революционеры, которые обязаны подчиняться принципам “демократического централизма” в его ленинском толковании. Жесткой позиции Гарсии Линеры противостоял Эво Моралес, призвавший вернуть ушедших товарищей, возродить бывшее единство, основанное на плюрализме идей<sup>49</sup>.

Концепция “андского капитализма”, включавшего в себя “три модернизации”, по Гарсии Линере – развитие микропредприятий, общин и крупных проектов, – вступала в противоречие с идеологией пачамамизма, теорией *sumajqamaña*<sup>50</sup>, декларирующей защиту окружающей среды, Матери Земли (Пачамамы), антиконсьюмеристский образ жизни и традиционные ценности. Этот принцип был сформулирован в восьмой статье новой конституции. Пачамамисты опираются на видного деятеля правительства

<sup>46</sup> *García Linera A.* La potencia plebeya. Acción colectiva e identidades indígenas, obreras y populares en Bolivia. La Paz, 2010, p. 416–424; *García Linera A.* El Estado y la vía democrática al socialismo. – Nueva Sociedad, № 259, septiembre-octubre de 2015, p. 157–161.

<sup>47</sup> *García Linera A.* Biografía política e intelectual, p. 77–78.

<sup>48</sup> *Stefanoni P.* La potencia plebeya..., p. 67–68.

<sup>49</sup> *Molina F.* ¿Por qué Evo Morales sigue siendo popular? Las fortalezas del MAS en la construcción del nuevo orden. – Nueva Sociedad, № 245, mayo-junio de 2013, p. 11–12.

<sup>50</sup> На языке аймара означает “жить хорошо”.

Давида Чокеуанку, который контролирует большинство НПО и индейских общественных организаций, от их поддержки в немалой степени зависит правительство Моралеса.

Чокеуанка объяснял свою концепцию пачамамизма так: “В 1990-е годы мы, аймара, собираясь, говорили, что хотим вновь стать тем, чем перестали быть. Мы снова хотим стать *самiris*. На аймара это означает человека, который живет хорошо. На языке аймара нет слов “богатый” и “бедный”. Кечуа говорят: мы хотим вновь стать карас, что означает человека, который хорошо живет... Мы стремимся к гармоничной жизни не только для человека, но и для природы, ведь когда говорим только об обществе и о человеке, то это исключаящий других существ подход не учитывает все остальное... Для нас самым важным является жизнь, а для социализма главное – удовлетворение материальных и духовных потребностей человека. При капитализме самое главное – это получение прибыли, дохода, капитала. Мы не согласны ни с тем, ни с другим. Более того, человек для нас находится на самом последнем месте. На первом же – птицы, бабочки, муравьи, горы, реки, звезды на небе – все, среди чего человек лишь малая часть мира. Мы ищем гармоничную жизнь человека в природе”<sup>51</sup>.

Формулируя основы пачамамизма, Д. Чокеуанка 21 апреля 2010 г. заявлял: “Для нас, для индейцев, самым важным является жизнь на земле вообще, и человек занимает последнее место среди наших приоритетов”<sup>52</sup>. Это самая четкая формула экологического, антиконсьюмеристского фундаментализма. Сами же пачамамисты называют эти взгляды “биоцентристским эгалитаризмом”, предпочитая говорить не о правах человека, а о правах Матери-Земли (Пачамамы)<sup>53</sup>.

Идеи пачамамистов, хотя и противоречат этатизму и десарролизму технократов и Гарсии Линеры, тем не менее идеологически дополняют их и создают идеологический фон, обеспечивающий антинеолиберальную преемственность “культурной и демократической революции”, под лозунгами которой Моралес пришел к власти. Эти противоречия Гарсия Линера назвал “креативными напряжениями, порождаемыми революцией”<sup>54</sup>.

Важным элементом идейной борьбы была битва за историю между индеанистами и креольской культурой, а также поиск новой формулы национальной идентичности. В 2001 г. во время переписи населения 62% боливийцев на вопрос о своих корнях заявили, что являются потомками одного из коренных народов страны. Это происходило на фоне роста влияния МАС и МИП, которые претендовали на создание новой исторической легитимности нации на “индейско-народной” основе. Провозглашенная демократическая и культурная революция предусматривала пересмотр официального исторического нарратива. Дж. Дункерлей назвал приход к власти Моралеса “третьей” боливийской революцией, в созвучии с советской периодизацией трех русских революций: первая – война за независимость, вторая – национальная революция 1952 г.<sup>55</sup> Он прав в том, что это действительно моменты кардинального изменения всего жизненного уклада в стране, что неизбежно отражалось на восприятии собственной национальной идентичности.

В противовес креольским “героям родины” новые власти стали проводить канонизацию героев индейского сопротивления (Тупак Катари, Серрате Уильки, Бертолины

<sup>51</sup> Svampa M., Stefanoni P., Fornillo B. *Debatir Bolivia. Perspectivas de un proyecto de descolonización*. Buenos Aires, 2010, p. 266–267.

<sup>52</sup> *Le Monde diplomatique*. El Diplo. Edición boliviana, № 27, junio-julio, 2010, p. 4–5. Гарсия Линера в ответ на эти идеи призвал пачамамистов не быть “простыми лесниками, только охраняющими лес”, а сочетать эти принципы с техническим и социальным прогрессом, с борьбой с бедностью.

<sup>53</sup> *La Razón*, La Paz, 31 de enero, 2010. – <http://www.la-razon.com/ediciones-anteriores>

<sup>54</sup> История Боливии, с. 600.

<sup>55</sup> Dunkerley J. *Evo Morales, the Two Bolivias' and the Third Bolivian Revolution*. – *Journal of Latin American Studies*, v. 39, 2007, № 1.

Сисы и др.). В официальное обращение вводились новые символы, связанные с индейской идентичностью – радужный флаг *whipala*, Тиауанаку как своего рода индейский Иерусалим, был учрежден новый праздник – индейский новый год 21 июня.

Преобладающей идеей стал мультикультурализм, отсутствие единой идентичности, “богатство в разнообразии”, а в оценке национальной истории предлагалось сосуществование различных исторических нарративов для различных сообществ. Объяснялось это, как то формулировал Гарсия Линера, необходимостью преодолеть “символическое насилие” (по Пьеру Бурдьё) со стороны старых господствующих классов и идей<sup>56</sup>. Эта линия вызвала серьезные противоречия и даже растерянность в педагогическом сообществе, в школьном образовании. Если все предыдущие годы школа имела единые программы истории, литературы, целью которых было создание представления об однородной нации, единой идентичности, то теперь правительство объявляло, что задачей школы не является насаждение общей национальной идеи, а поощрение разнообразия и многочисленности нарративов истории места, этноса, расы в рамках некоей аморфной гуманистической, а не политической общности, какой представлялась общая страна. Релятивизм в оценке культуры, истории, вытекавший из идеи “социального и культурного разнообразия”, предполагал коррекцию старой идентичности. Школа должна была поощрять “гетерогенность” национальной общности<sup>57</sup>.

Между тем доминирующий индеанистский дискурс, обращаясь к доиспанской исторической памяти, попадает в ловушку противоречия между универсальностью, декларируемой инклюзивности (креолы, метисы, коренные туземные народы), и партикуляризмом, претензиями на особенность идентичностей отдельных этнорасовых и социальных групп – крестьянско-индейской нации. Индеанистский нарратив противостоит общенациональному, порождая ряд исключаяющих формирование единой идентичности этноцентристских мифов, как-то: миф о солидарности как основе экономического уклада, миф об “андском капитализме”, противостоящем в ценностно-историческом плане европейскому (мировому), этноэкологический миф (пачамамизм).

Подобное положение потенциально содержит угрозу разрыва, наполняет противоречиями официальный исторический нарратив, который настойчиво создают власти. Пьер Нора называл этот процесс “демократизацией” истории, возникновения новых типов памяти меньшинств, деколонизации памяти, характерной для освободившихся стран “третьего мира”, а также посткоммунистических стран<sup>58</sup>. Как писал Гарсия Линера, Боливия сегодня – это яркий пример деколонизации исторической памяти, обращения к традиционной памяти, до того искаженной или разрушенной внутренним колониализмом<sup>59</sup>. В телеологическом понимании национальной истории все события до “культурной и демократической революции” рассматриваются официальной идеологией как эпизоды борьбы с этим колониализмом, до сих пор не преодоленным.

Идеология внутренней деколонизации вызвала сложные чувства во многих социальных группах и сообществах в отношении истории страны, которую они всегда считали своей. Креольско-метисное меньшинство опасалось нарастания конфликта по линии подлинных боливийцев и “колонизаторов и их союзников”<sup>60</sup>. Индеанизация общественно-политической жизни страны вызвала неоднозначную реакцию со стороны большинства боливийцев. Если при переписи 2001 г. большинство жителей причисляло себя к потомкам индейских народов, то в 2012 г. неожиданно их число

<sup>56</sup> *García Linera A.* Biografía política e intelectual, p. 74–76.

<sup>57</sup> *Fiesta cívica. Construcción de lo cívico y políticas festivas.* La Paz, 2009, p. 220.

<sup>58</sup> *Нора П.* Всемирное торжество памяти. – *magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html*

<sup>59</sup> *García Linera A.* La potencia plebeya, p. 199–214.

<sup>60</sup> *Svampa M., Stefanoni P., Fornillo B.* Op. cit., p. 69.

снизилось с 62 до 42%. Оппозиция заявила о метисной сущности национальной идентичности, побеждавшей, несмотря на пропаганду индеанистов. Сам же Моралес связывал этот феномен с ростом среднего класса и урбанизацией страны<sup>61</sup>.

### УСПЕХИ ПРАВИТЕЛЬСТВА МОРАЛЕСА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

За десятилетие власти Моралеса был достигнут явный экономический прогресс: экспорт страны увеличился в пять раз, валютные резервы достигли гигантской суммы в 50% ВВП, бюджет вырос с 6 до 20 млрд долл. Правительству благодаря консервативной монетаристской политике удалось контролировать инфляцию, что стимулировало инвестиции и постоянный рост доходов населения. В последние годы, когда в большинстве стран региона наблюдалось падение темпов роста, Боливия была одной из немногих сохранявших высокий, до 7% в год, рост ВВП. Ярким показателем экономического успеха и доверия населения к МАС является беспрецедентная для Боливии дедолларизация экономики: на 2012 г. вклады в боливиано составили 7 млрд 700 млн долл., а кредиты в боливиано – 6 млрд 400 млн долл.<sup>62</sup>

Экономические успехи создали основу для активной социальной политики. Ее особенность состоит в различных бонусах пенсионерам, школьникам, женщинам. При Моралесе впервые пенсия по старости стала выплачиваться всем боливийцам независимо от их участия в пенсионных накоплениях (получателями так называемой “rentы достоинства” стали 900 тыс. граждан пенсионного возраста). Учитывая, что огромная часть населения занята в неформальной экономике, в том числе в индейских общинах, распространение на них пенсий имело огромный эффект. Чтобы стимулировать обучение в школах детей из низших слоев населения, где правилом является ранняя трудовая деятельность, был введен бонус для детей при условии посещения ими школы. С целью понизить детскую и материнскую смертность при родах был введен специальный бонус за каждое посещение врача в период беременности.

Минимальная зарплата к 2013 г. выросла на 127%. Правительство тратит значительные суммы для поддержания цен на основные продукты питания, на топливо, электричество, воду, что также снижает инфляцию и способствует стабильности домохозяйств. Социальные программы позволили снизить крайнюю бедность в городах с 24 до 14%, а в сельской местности с 63 до 43%<sup>63</sup>. Активная инвестиционная политика государства способствовала исчезновению безработицы, в большей части за счет роста в строительстве – в среднем до 10% в год<sup>64</sup>. Резкий рост числа средних слоев, в том числе за счет массы городских метисов и индейцев, повышал их самооценку, связывал их успех с правительством МАС.

Устойчивости политической системы способствовали особенности партии МАС. Устав партии, принятый в 2009 г., признавал членство в партии через профсоюзные или общественные организации, поддерживающие правительство<sup>65</sup>. Если верхушка правящей партии показывает удивительную стабильность своего состава, то руководители среднего уровня постоянно меняются. Так, в период с 2002 по 2009 г. из 187 депутатов Конгресса от МАС только двое переизбирались дважды, а из сенаторов ни одного<sup>66</sup>. Даже чиновники более низкого уровня при правлении МАС страдают от нестабильности своих должностей, частого перемещения и утраты социальной позиции<sup>67</sup>.

<sup>61</sup> История Боливии, с. 603.

<sup>62</sup> Molina F. Op. cit., p. 7.

<sup>63</sup> История Боливии, с. 601.

<sup>64</sup> Molina F. Op. cit., p. 7–9.

<sup>65</sup> Mayorga F. Op. cit., p. 34.

<sup>66</sup> Machado F. Op. cit., p. 196.

<sup>67</sup> Как отмечает социолог Химена Соруко, от 30 до 40% государственных служащих при МАС находились на своих постах не более года, и только около 11% более трех лет. – *Soruco X. La nueva burocracia plurinacional en Bolivia. Entre la democratización y la institucionalización.* – Nueva Sociedad, № 257, julio-agosto de 2015, p. 132, 143.

МАС определяет свое правление как власть общественных движений. И действительно, лидеры общественных организаций, главным образом профсоюзов и индейских объединений, заняли большинство политических постов. Гарсия Линера в 2009 г. заявлял: “МАС — это конфедерация общественных движений, чем-то похожая на старую европейскую социал-демократию”. И далее добавлял, что партия напоминает огромное тело с маленькой головой, так как партийный аппарат очень мал и иногда остается без опоры на массы, с которыми следует постоянно вести диалог, иногда как с последователями, а иногда как с равными союзниками. В этом и сила и слабость партии<sup>68</sup>. По мере укрепления власти верхушки МАС возникали неизбежные противоречия между представительством общественных организаций, защищавших свою автономию в отношении власти, и стремлением правительства контролировать, кооптировать своих сторонников как в государственные органы, так и в руководство этих движений.

В отношении же критиков или противников МАС никогда не идет на уступки, демонстрируя необходимость союзничества, если эти организации претендуют на удовлетворение своих требований. Инструментом привлечения союзников являлось финансирование проектов, выгодных тем или иным группам, по программам, которые получали ресурсы не из бюджета, а из Венесуэлы (к 2013 г. на такие разовые акции и программы было потрачено около полумиллиарда долларов<sup>69</sup>). Фактически это форма клиентелизма, привычная для боливийской политики.

При Моралесе произошла замена старой креольско-метисной элиты на новую, связанную с индейцами, народными слоями и в прошлом исключенными из социальной жизни расовыми группами. Представители старой элиты оказались вытеснены из сферы бюрократических структур, что привело к резкому изменению состава среднего класса. Если ранее чиновничьи места замещались, как правило, выходцами из семей таких же госслужащих, то в годы правления МАС девять десятых поступивших на службу не имели родителей или родственников в этой сфере<sup>70</sup>. Эта целенаправленная политика обновления, лишь поначалу страдавшая от падения компетенции госаппарата, преодолевшая этот недостаток слишком быстрых перемен, привела к радикальному изменению среднего класса, связанного с государственным аппаратом, всегда бывшего сильным в Боливии. Предпринимательский класс также пополнился выходцами из индейско-метисных слоев, пользующихся близостью к государственным источникам финансирования. Старая же буржуазия получила четкое послание, что ее бизнес будет процветать только в том случае, если она не будет вмешиваться в политику<sup>71</sup>.

В 2012–2013 гг. правительство смогло урегулировать отношения с оппозиционным “полумесечем”, оплотом креольской буржуазии, до такой степени, что в прошлом оппозиционные группы стали вступать в МАС, чтобы иметь шанс проводить своих представителей во власть, а предприниматели стали поддерживать новый режим, который на деле принес им процветание.

Одновременно обозначились новые проблемы с бывшими союзниками. Первый конфликт с профсоюзами и индейскими организациями возник, когда 26 декабря 2010 г. были подняты цены на топливо, что вызвало рост цен на транспорт и продовольствие. КОНАЛКАМ резко выступил против правительства, заставив его отменить свое решение уже через несколько дней<sup>72</sup>.

Возникали конфликты как внутри верхушки МАС, так и с ядерными группами поддержки, как, например, с индейцами ТИПНИС (Национального парка Исиборо Секуре). Правительство решило построить дорогу через этот парк, что было воспринято индейцами как покушение на их территорию. Дело дошло до насильственных

<sup>68</sup> *García Linera A.* Biografía política e intelectual, p. 53–54.

<sup>69</sup> С началом кризиса в Венесуэле этот источник финансирования оказался исключенным.

<sup>70</sup> *Soruco X.* Op. cit., p. 134.

<sup>71</sup> *Molina F.* Op. cit., p. 14.

<sup>72</sup> *Mayorga F.* Op. cit., p. 24.

действий и столкновений с полицией. Индейцы были поддержаны оппозицией, а также в прошлом союзными МАС НПО и левыми группами. Впервые индейцы решительно выступили против “индейской власти” Моралеса.

В 2013 г. Эво Моралес решил переизбираться в третий раз, чтобы избежать риска расколов в правящей группе, безусловным лидером которой он остается. Конституция запрещает переизбрание более двух раз подряд. Более того, оппозиция в свое время настояла на внесении в текст новой конституции переходной статьи, по которой все предыдущие сроки избрания президента засчитывались, что не позволяло использовать аргумент, что страна ныне живет по новым правилам. Моралес обратился в Конституционный суд, аргументируя свой запрос тем, что в 2009 г. он пошел на досрочные выборы уже по новой конституции, таким образом сократив свой законный срок пребывания на посту президента. Конституционный суд удовлетворил запрос Моралеса, разрешив ему вновь выдвигаться кандидатом на пост президента.

К этому времени правительство добилось впечатляющих успехов в экономике: строительство дорог, введение в строй уникальной в мире подвесной дороги по нескольким маршрутам, связавшей запертый в долине центр Ла-Паса и миллионный пригород Эль-Альто. Главным же предвыборным событием 2013 г. был запуск с помощью китайцев первого боливийского спутника, названного в честь вождя индейского восстания XVIII в. Тупак Катари.

Вместе с тем МАС столкнулась с критикой как слева, так и справа. Левые, порой бывшие ближайшими союзники, упрекали Моралеса в том, что его политика не носит последовательный характер, во многом ситуативная, а успехи более символические и риторические, чем реальные, что, придя к власти, МАС отошла от провозглашаемых целей, стала проводить политику развития госкапитализма с опорой на сырьевую экспортную экономику, т.е. фактически вернулась к национал-реформистской повестке дня МНР времен Национальной революции 1952 г. Бывший союзник Моралеса “Движение без страха” называло МАС каудильистской и выродившейся в традиционалистскую партией<sup>73</sup>.

Правые же упрекают МАС в тех же грехах, что и левые, не совпадая лишь в оценке программных целей. Страна по-прежнему зависит от экспорта нескольких сырьевых продуктов, а все успехи принадлежат не правительству, а мировой конъюнктуре цен, и кроме того государство влезло в сомнительные с экономической точки зрения мега-проекты, некоторые из них принесли лишь убытки (например, литейные разработки на юге страны). Все это во многом верно, но Боливия уже сталкивалась с подобной благоприятной для экономики ситуацией, и во время бума олова в начале XX в. и в 1970-е годы, но тогда огромные богатства в большей части осели за границей, составив впечатляющую статистику бегства капитала. Эво Моралес смог создать большие государственные резервы, которые пригодятся стране в период спада и кризиса.

На выборах 2014 г. Моралесу противостояли несколько партий. Бывший союзник МАС лидер “Движения без страха” Хуан дель Гранадо представлял недовольных левых и центристов. Предприниматель Самуэль Дория Медина (блок Демократическое единство) позиционировал себя как центрист, готовый принять все хорошее, что сделал Моралес, но выступавший за более либеральную политику и восстановление отношений с США. Губернатор Санта-Круса Рубен Костас говорил о позитивных свершениях МАС, но предлагал “социал-демократический”, не такой радикальный вариант перемен для Боливии. На крайне правом фланге оставался бывший президент Хорхе Кирога.

12 октября 2014 г. Моралес получил 61,36% голосов против 24,2% своего ближайшего преследователя Самуэля Дория. Главным сюрпризом выборов была победа Моралеса в оппозиционном “полумесяце”: только в малонаселенном Бени он проиграл. В Санта-Кресе он получил более половины голосов<sup>74</sup>. Страна в отличие от первых

<sup>73</sup> Molina F. Op. cit., p. 5–6.

<sup>74</sup> История Боливии, с. 605.

двух избраний Моралеса голосовала не за его революционную программу, а одобряла его успехи за прошедшие девять лет.

Безмятежная политическая ситуация для правящей партии в марте 2015 г. вдруг омрачилась грандиозным проигрышем МАС в своем электоральном бастионе Эль-Альто и в Ла-Пасе на местных выборах. Хотя причины голосования на местном уровне не затрагивают гегемонии и харизмы Моралеса, тем не менее это был существенный удар по правящей группе, которую последнее время сотрясают коррупционные скандалы. В этих обстоятельствах правящая верхушка МАС решилась пойти на референдум по поправкам в конституцию, дающим Моралесу право избираться еще раз. Главным тезисом правительственной пропаганды было заверение: зачем менять Эво, если при нем так хорошо. Однако было непонятно, зачем так спешить с референдумом, когда Моралес еще должен править три года, и вопрос о преемственности власти не стоит так остро. Референдум прошел 21 февраля 2016 г., и НЕТ изменению конституции получило большинство голосов. Хотя перевес одной из сторон составил лишь пару процентов, это первое и значительное поражение Эво Моралеса<sup>75</sup>. Теперь все аналитики ожидают обострения борьбы внутри коалиции, которую представляет собой МАС, борьбы, которая все эти годы сглаживалась безусловным лидерством Эво Моралеса. Не исключено, что МАС ждет судьба МНР времен Национальной революции, когда сплоченная партия развалилась на массу фракций и в конце концов потеряла власть. Эти сравнения тем более убедительны, что многие аналитики последние годы сравнивают характер правления МАС и МНР в 1950-е годы. Боливия сегодня стоит перед новым поворотом в своей политической истории.

---

<sup>75</sup> Le Monde diplomatique. Edición Cono Sur, № 200, febrero, 2016.